

Содержание

Действующие лица.....	7
Пролог	13

Часть I РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

1. Советский Прометей.....	19
2. Альфа, бета и гамма.....	39
3. Пятница, 25 апреля, 17:00, Припять.....	65
4. Секреты мирного атома.....	81
5. Пятница, 25 апреля, 23:55, блочный щит управления №4.....	99
6. Суббота, 26 апреля, 1:28, военизированная пожарная часть №2.....	117
7. Суббота, 26 апреля, 1:30, Киев	139
8. Суббота, 26 апреля, 6:15, Припять.....	161
9. Воскресенье, 27 апреля, Припять.....	181

Часть II СМЕРТЬ ИМПЕРИИ

10. Облако	199
11. «Китайский синдром».....	219
12. Битва за Чернобыль	233
13. В больнице №6	253
14. Ликвидаторы.....	279
15. Расследование.....	303
16. Саркофаг.....	323
17. Запретная зона.....	347
18. Суд.....	363
19. «Слоновья нога».....	389
20. Могила для Валерия Ходемчука.....	405
Эпилог	425
Благодарности.....	433
Примечание автора.....	437
Единицы измерения радиации.....	441
Примечания	443
Библиография.....	497
Карты	516
Предметно-именной указатель	539
Об авторе	551

Действующие лица

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ АТОМНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ И ГОРОД ПРИПЯТЬ

РУКОВОДСТВО

Виктор Брюханов — директор станции

Николай Фомин — главный инженер, заместитель директора станции

Анатолий Дятлов — заместитель главного инженера по эксплуатации

ПЕРСОНАЛ

Александр Акимов — начальник смены, пятая смена 4-го энергоблока

Леонид Топтунов — старший инженер управления реактором, пятая смена 4-го энергоблока

Борис Столярчук — старший инженер управления блоком, пятая смена 4-го энергоблока

Юрий Трегуб — старший инженер управления реактором, 4-й энергоблок

Александр Ювченко — старший инженер-механик, пятая смена 4-го энергоблока

Валерий Перевозченко — начальник смены реакторного цеха, пятая смена 4-го энергоблока

ЧЕРНОБЫЛЬ

Серафим Воробьев — начальник штаба гражданской обороны

Вениамин Прянишников — начальник группы подготовки по ядерной безопасности

ПОЖАРНЫЕ

Майор **Леонид Телятников** — начальник военизированной пожарной части №2 (ЧАЭС)

Лейтенант **Владимир Правик** — начальник третьего караула военизированной пожарной части №2 (ЧАЭС)

Лейтенант **Петр Хмель** — начальник первого караула военизированной пожарной части №2 (ЧАЭС)

Лейтенант **Виктор Кибенок** — начальник третьего караула военизированной пожарной части №6 (Припять)

Сержант **Василий Игнатенко** — боец третьего караула военизированной пожарной части №6 (Припять)

ПРИПЯТЬ

Александр Есаулов — заместитель председателя Припятского горисполкома

Мария Проценко — главный архитектор города Припяти

Наталья Ювченко — учитель русского языка и литературы школы №4, жена Александра Ювченко

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ

Михаил Горбачев — Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, лидер СССР

Николай Рыжков — председатель Совета министров СССР

Егор Лигачев — секретарь ЦК КПСС, курирующий идеологию, второй по влиянию член Политбюро ЦК КПСС

Виктор Чебриков — председатель Комитета государственной безопасности СССР

Владимир Долгих — секретарь ЦК КПСС, курирующий тяжелую промышленность, включая атомную энергетику

Владимир Марин — заведующий сектором атомной энергетики ЦК КПСС

Анатолий Майорец — министр энергетики и электрификации СССР

Геннадий Шашарин — заместитель министра энергетики и электрификации СССР, курирующий атомную энергетику

Владимир Щербицкий — первый секретарь Коммунистической партии Украины, член Политбюро

Александр Ляшко — председатель Совета министров УССР

Владимир Маломуж — второй секретарь Киевского обкома КПУ

Виталий Скляр — министр энергетики и электрификации УССР

Борис Щербина — заместитель председателя Совета министров СССР, первый председатель Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии в Чернобыле

Иван Силаев — заместитель председателя Совета министров СССР, ответственный за машиностроение; член ЦК КПСС, второй председатель Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии в Чернобыле

ЭКСПЕРТЫ-ЯДЕРЩИКИ

Анатолий Александров — президент Академии наук СССР, директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова (Курчатовский институт), ответственный за развитие ядерной науки и технологии

Ефим Славский — министр среднего машиностроения, ответственный за программу ядерных вооружений

Николай Доллежал — директор НИКИЭТ, института-разработчика реакторов РБМК

ЧЕРНОБЫЛЬ

Валерий Легасов — первый заместитель директора Курчатовского института

Евгений Велихов — заместитель директора Курчатовского института, советник по науке Михаила Горбачева, соперник Валерия Легасова

Александр Мешков — заместитель министра среднего машиностроения СССР

Борис Прушинский — главный инженер ВПО Союзатомэнерго, подразделения атомной энергетики Министерства энергетики и электрификации СССР, руководитель группы оказания экстренной помощи атомным станциям в чрезвычайных ситуациях (ОПАС)

Александр Боровой — заведующий лабораторией физики нейтрона Курчатовского института, начальник научно-исследовательского отдела Комплексной экспедиции в Чернобыле

Ханс Бликс — директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ)

ГЕНЕРАЛИТЕТ

Генерал-полковник **Борис Иванов** — первый заместитель начальника Войск гражданской обороны СССР

Генерал-полковник **Владимир Пикалов** — начальник Химических войск Министерства обороны СССР

Генерал-майор **Николай Антошкин** — начальник штаба ВВС Киевского военного округа*

Генерал-майор **Николай Тараканов** — заместитель начальника штаба Войск гражданской обороны РСФСР**

* В звании генерал-майора — на момент чернобыльской катастрофы. — *Прим. ред.*

** В звании генерал-майора — на момент чернобыльской катастрофы. — *Прим. ред.*

МЕДИКИ

Ангелина Гуськова — заведующая клиническим отделением
Клинической больницы №6, Москва

Александр Баранов — заведующий отделением гематологии
Клинической больницы №6, Москва

Роберт Гейл — специалист-гематолог Медицинского центра
Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе

[Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>](#)

Пролог

Суббота, 26 апреля 1986 года, 16:16¹ Чернобыльская атомная электростанция, Украина

Старший лейтенант Александр Логачев любил радиацию, как иные мужчины любят своих жен². Высокий и симпатичный, с коротко подстриженными темными волосами и светло-голубыми глазами, 26-летний Логачев начал службу в Советской армии еще мальчишкой и получил отличную подготовку. В военной академии под Москвой его обучали защищаться от смертельных отравляющих веществ и прямого воздействия радиации. Его готовили к службе на испытательном полигоне в казахстанском Семипалатинске и на опустевших землях Восточно-Уральского радиоактивного следа, где выпадения после засекреченной радиоактивной аварии все еще отравляли природу. Он побывал на далеком, закрытом для гражданских лиц архипелаге Новая Земля, далеко за Полярным кругом, где взорвали чудовищную «Царь-бомбу» — самое большое термоядерное устройство в истории.

Теперь Логачев служил в радиационно-химической разведке 427-го Краснознаменного механизированного полка

Гражданской обороны МО СССР (Киевский военный округ). Он знал, как защитить себя и экипаж своей бронированной машины из трех человек от нервно-паралитических веществ, биологического оружия, гамма-излучения и «горячих» частиц³. Нужно точно следовать инструкциям, сверяться с приборами и при необходимости использовать медикаменты из набора индивидуальной защиты на случай ядерной, бактериальной и химической войны, который хранился в кабине их бронированной машины. Еще он верил, что лучшая защита — у нас в голове. Больше всех рискует тот, кто позволяет себе бояться радиации. Те же, кто сумел полюбить и оценить ее призрачное присутствие, понимать ее капризы, могут выдержать самую интенсивную бомбардировку гамма-частицами и выйти из-под нее таким же здоровым, как и прежде.

В это утро, проезжая на скорости окраины Киева во главе колонны из трех десятков машин, экстренно вызванных на Чернобыльскую атомную электростанцию, Логачев чувствовал себя уверенно⁴. Весенний воздух, проникавший в люки его бронированной машины, пах листьями и свежескошенной травой. Его бойцы, собранные на плацу в ночь перед ежемесячным смотром, были обучены и готовы. У них имелась целая батарея приборов обнаружения радиации, включая недавно установленный дозиметр, вдвое более чувствительный, чем старый. Приборы были включены и не обнаруживали в атмосфере ничего необычного.

Но когда они наконец подъехали к атомной станции, стало ясно, что случилось нечто странное⁵. Сигнал дозиметра впервые зазвучал, когда они проехали бетонный столб со знаком на периметре территории ЧАЭС, и лейтенант скомандовал остановить машину и записать показания: 51 рентген в час. Останься они там на 60 минут — получили бы максимальную дозу радиации, считающуюся допустимой для военнослужащих в военное время. Они тронулись и поехали дальше вдоль опор высоковольтных линий электропередачи, шагавших в сторону Чернобыльской станции. Показания приборов поднялись еще выше, потом упали.

Сейчас машина радиационно-химической разведки ехала вдоль бетонного берега канала охладителя станции. Показался 4-й энергоблок Чернобыльской атомной электростанции. Логачев и его солдаты молча смотрели на него. Крыша 20-этажного здания была сорвана, верхние уровни почернели, внизу лежали кучи рухнувших обломков. Земля была усеяна разбитыми железобетонными плитами, рассыпанными графитными блоками, поблескивающими там и тут металлическими оболочками топливных сборок из ядра реактора. От этих руин в залитое солнечным сиянием небо поднималось облако пара.

У них имелся приказ провести полную разведку станции, и машина на скорости 10 км/ч поползла против часовой стрелки вокруг комплекса⁶. Сержант Власкин зачитывал показания приборов, и Логачев отмечал их на карте, нарисованной от руки на куске пергаментной бумаги шариковой ручкой и фломастером: 1 рентген в час, потом 2, потом 3. Они повернули налево, и показания стали быстро расти: 10, 30, 50, 100.

«Двести пятьдесят рентген в час! — крикнул сержант. Его глаза округлились от удивления. — Товарищ лейтенант...» — начал он, показывая на прибор.

Логачев взглянул на радиометр и почувствовал, что у него от ужаса волосы встают дыбом: 2080 рентген в час⁷. Просто невероятно.

Он старался оставаться спокойным и вспоминал учебник, пытаясь победить страх. Но вся его подготовка вдруг куда-то пропала, и лейтенант услышал, как он сам в панике кричит водителю, холодея от ужаса, что машина вдруг заглохнет.

«Куда едешь, сукин сын? Совсем ебанулся? — орал он. — Если движок сдохнет, мы все через пятнадцать минут будем трупы!»

[Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>](#)

Часть I

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

[Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>](#)

1

Советский Прометей

Вспугнутые медленным стуком лопастей приближающегося вертолета, черные птицы поднимались в небо и разлетались над заледенелыми болотцами, над путаницей блестящих проток и заводей реки Припяти¹. Стоя по колено в снегу и выдыхая клубы пара, Виктор Брюханов ждал прибытия высоких чинов из Москвы.

Наконец вертолет приземлился, и делегация министров и партийных начальников осторожно двинулась по ледяному полю. Холод пронизывал тяжелые ратиновые пальто, забирался под высокие меховые шапки. Министр энергетики СССР и партийные чины Украины подошли к Брюханову, стоявшему ровно в той точке, где должен был начинаться дерзкий новый проект. Умный и честолюбивый, Брюханов в свои 34 года был дисциплинированным партийцем. На Западную Украину он прибыл с приказом начать строительство атомной электростанции, которая, по замыслам советского Госплана, должна была стать крупнейшей на Земле².

На заснеженном берегу Припяти гости выпили по рюмке коньяку за исполнение планов. Прилетевший с ними фотограф щелкал камерой: на переднем плане — лопаты с длинными ручками и теодолит, на среднем — десяток мужчин, позади них — вертолет, приземистый и неуклюжий. Мужчины

стояли в снегу, следя, как министр Непорожний символически открывает строительство — вбивает, сантиметр за сантиметром, первый колышек в твердую как железо землю.

Все это происходило 20 февраля 1970 года. После нескольких месяцев раздумий наверху наконец выбрали название для новой электростанции, которая однажды сделает ядерное строительство в СССР известным всему миру. Рассматривалось несколько вариантов расположения и названий³. В конце концов Владимир Щербицкий, влиятельный в стране руководитель Коммунистической партии Украины, подписал указ о присвоении атомной станции названия районного центра Чернобыля, городка с населением в 2000 человек, расположенного в 14 км от того места, где Брюханов и его начальство стояли сейчас на заснеженном берегу⁴.

Имя Чернобыля упоминается с XII века⁵. На протяжении 800 лет здесь жили крестьяне, которые ловили рыбу в реках, пасли коров на лугах и собирали грибы в густых чащобах Северо-Западной Украины и Южной Белоруссии. За свою историю город видел погромы, чистки, голод и войну, но сейчас он, наконец, жил в мире. Тихий районный центр с несколькими фабриками, больницей, библиотекой, Дворцом культуры и небольшой верфью — на ней ремонтировали буксиры и баржи, ходившие по Припяти и Днепру. Воды было много, она пропитала бесконечный плоский край торфяных болот, топей и влажных лесов бассейна Днепра — сети из 32 000 рек и ручьев, покрывающей почти половину Украины. Всего в 15 км вниз по течению от места, выбранного для строительства новой электростанции, Днепр и Припять сливались и текли дальше к Киевскому морю, водохранилищу, снабжающему водой 2,5 млн жителей украинской столицы, расположенной в двух часах езды на юго-восток⁶.

Приехавший в Чернобыль незадолго до того, зимой 1970-го, Виктор Брюханов обосновался в единственной в городе гостинице — одноэтажном здании на Советской улице⁷.

Худощавый, но атлетического сложения, с узким нервным смугловатым лицом и густыми темными кудрявыми волосами, Брюханов был старшим из четверых детей в русской семье, жившей в Узбекистане⁸. Внешность у него была необычная — впервые увидев его, начальник местного КГБ решил, что молодой директор, возможно, грек⁹.

Сев на гостиничную кровать, Брюханов выложил содержимое портфеля: блокнот, комплект чертежей-синек и логарифмическую линейку. Он был директором (и на тот момент единственным работником Чернобыльской АЭС), но об атомной энергии мало что знал. Выпускник Ташкентского политехнического института, электроэнергетик, Брюханов быстро поднимался по карьерной лестнице: начал с рядовых должностей в турбинном цеху узбекской ГЭС, потом осуществлял надзор за пуском крупнейшей украинской угольной станции в Славянске. Однако в Министерстве энергетики и электрификации в Москве считали, что для руководителя не так важны знания и опыт, как политическая ответственность и умение решать поставленные задачи¹⁰. Технические вопросы можно было оставить экспертам.

В начале 1970-х, чтобы удовлетворить растущий спрос на электроэнергию и догнать Запад, в СССР запустили программу строительства ядерных реакторов. Советские ученые, по их собственным утверждениям, входили в число мировых лидеров ядерных инженерных разработок. В 1954 году они ошеломили своих капиталистических коллег, построив первый промышленный реактор. Но с тех пор безнадежно отстали. В июле 1969-го, когда американские астронавты завершали подготовку к высадке на Луну, советский министр энергетики и электрификации призывал решительно расширять строительство АЭС¹¹. Он ставил амбициозную задачу создания в европейской части Советского Союза — от Финского залива до Каспийского моря — сети новых станций с огромными типовыми реакторами¹².

Зимой 1969 года министр вызвал Брюханова в Москву и объявил ему о новом назначении. Чрезвычайно престижный

проект: будущая атомная станция должна была стать не только первой на территории Украины. Это был выход на новый рубеж: никогда еще Министерство энергетики не строило атомные станции с нуля¹³. Все реакторы в СССР создавало окруженное атмосферой тайны Министерство среднего машиностроения, организация, отвечавшая за программу ядерных вооружений и настолько секретная, что само ее название было сокращено, зашифровано, чтобы умерить ненужное любопытство. Брюханов, как верный партиец, с радостью согласился нести знамя Красного Атома.

Сейчас, сидя на гостиничной кровати, молодой директор думал о своей ответственности, о том, как будет осуществлять в чистом поле проект стоимостью почти 400 млн рублей¹⁴. Он составил списки материалов, необходимых для начала строительства, и на логарифмической линейке подсчитал расходы¹⁵. Наутро отвез свои расчеты в Государственный банк в Киеве. Брюханов ездил туда почти каждый день на автобусе, а когда автобус не ходил, добирался на попутках. Поскольку бухгалтера у него не было, не было и выплат, так что зарплаты он не получал.

Прежде чем начинать строительство самой АЭС, предстояло создать инфраструктуру для подвоза всего необходимого: железнодорожную ветку от близлежащей станции Янов и пристань на Припяти для выгрузки гравия и железобетонных конструкций¹⁶. Брюханов нанял строителей, и вскоре растущая армия людей за штурвалами гусеничных экскаваторов и самосвалов БелАЗ уже продиралась по лесным дорогам и расчищала пространство для стройки. Брюханов, нанятый наконец бухгалтер и немногие рабочие, жившие на площадке, поселились во временном поселке на лесной вырубке. Жили в деревянных вагончиках — каждый со своей кухонькой и дровяной печкой¹⁷. Поселок без особых затей называли Лесным. Весной Брюханов распорядился построить начальную школу, где дети могли учиться до четвертого класса. В августе 1970-го к нему приехала семья: жена Валентина и дети — шестилетняя Лилия и младенец Олег.

Первое десятилетие совместной жизни супруги Брюхановы провели, помогая осуществить мечту о социалистической электрификации. Чернобыль был для них третьей за шесть лет строящейся электростанцией. Они встретились на строительстве Ангренской ГЭС в 100 км от Ташкента. Валентина была помощницей инженера по турбинам, недавний выпускник университета Виктор — практикантом. Он собирался вернуться в университет за дипломом, но начальник отдела на станции уговорил его остаться. «Погоди, — сказал он ему, — Ты еще жену здесь встретишь!» Общие друзья познакомили Виктора и Валентину зимой 1959-го. «Ты утонешь в ее глазах», — пообещали они практиканту. Пара встречалась меньше года, в декабре 1960-го они поженились, в 1964-м родилась Лиля.

Валентине поселок Лесной — десяток семей, ютившихся в самодельных домиках, — казался сказочным местом. Ночью, когда стихал рев бульдозеров и экскаваторов, бархатная тишина опускалась на опушку, темноту пронизывал единственный фонарь, слышалось уханье сов. Но время от времени, чтобы подбодрить строителей, из Москвы присылали артистов, включая цыганскую суперзвезду Николая Сличенко, и тогда в Лесном устраивали концерты. Брюхановы прожили здесь два года, пока ударные бригады выкапывали под будущий реактор котлован и гигантский резервуар — искусственное озеро длиной 11 км и шириной 2,5 км¹⁸. Оно должно было вместить миллионы кубометров воды, необходимой для охлаждения четырех больших реакторов.

Тем временем Виктор следил за строительством у реки нового советского атомграда, впоследствии по имени той же реки названного Припять. Он должен был вместить тысячи работников будущего ядерного комплекса и их семьи. Первые общежития и многоквартирные дома возвели в 1972-м. Новый город рос так быстро, что поначалу в нем не было мощных дорог и центрального отопления. Но жили здесь молодые энтузиасты. Первыми в Припять прибыли пионеры ядерного будущего, идеалисты, стремившиеся преобразовать жизнь при

помощи новых технологий¹⁹. Для них бытовые проблемы были пустяками: чтобы не замерзнуть ночами, они спали в верхней одежде.

Валентина и Виктор переехали из поселка в Припятъ зимой 1972 года. Поселились в трехкомнатной квартире на проспекте Ленина, 6, прямо на въезде в новый город. Пока в Припятти достраивали школу, их дочь Лилия на попутной машине каждый день добиралась до своей старой школы в Лесном.

Согласно советским проектным нормативам, будущий город от АЭС отделяла санитарная зона, строительство в которой запрещалось, чтобы население не попадало в зоны ионизирующего излучения низкого уровня²⁰. Но Припятъ и атомная станция располагались близко друг от друга: десять минут на машине, 3 км по прямой. Город рос, и жители потихоньку начали строить летние домики в санитарной зоне, игнорируя все инструкции ради построенной своими руками дачки и огородика²¹.

Первоочередная задача, поставленная перед Виктором Брюхановым, состояла в сооружении на Чернобыльской АЭС двух ядерных реакторов модели РБМК («реактор большой мощности канальный»)²². Воплощая неодолимую советскую тягу к гигантомании, РБМК был больше и мощнее построенных к тому времени на Западе реакторов. Теоретически мощности каждого энергоблока в 1000 мегаватт электрического тока хватило бы, чтобы обеспечить энергией по крайней мере миллион современных домов²³. Сроки, установленные начальством в Москве и Киеве, требовали работать с нечеловеческой отдачей: по планам 9-й пятилетки первый реактор должен был выйти на проектную мощность в декабре 1975 года, второй — до конца 1979-го²⁴. Брюханов быстро понял, что это нереальные сроки.

К 1970 году, когда молодой директор начал работать в Чернобыле, советский экономический эксперимент пошел в обратную сторону. СССР сгибался под нагрузкой десятилетий централизованного планирования, бесполезной бюрократии,

огромных военных расходов и повсеместной коррупции — так начиналось то, что впоследствии назовут «эпохой застоя»²⁵. Дефицит и пробуксовывание на месте, воровство и приписки разрушали изнутри почти каждую отрасль. Ядерное строительство не было исключением. С самого начала Брюханову не хватало оборудования²⁶. Важнейшие механизмы и стройматериалы поступали с опозданием или не поступали вообще, а те, что доставлялись, часто оказывались бракованными²⁷. Сталь и цирконий, необходимые для километров трубопроводов и сотен сборок топливных элементов, которые предстояло загрузить в сердце гигантских реакторов, были в дефиците, трубы и железобетон часто оказывались негодного качества, их приходилось отзывать. Качество работ на многих уровнях производства было настолько низким, что строительные проекты в энергетике были вынуждены включать «предмонтажную ревизию оборудования»²⁸. Присланное изготовителем оборудование — трансформаторы, турбины, трансмиссии — разбирали до последнего винтика, проверяли, ремонтировали и собирали вновь по оригинальным спецификациям, как это должны были сделать сразу*. Только после этого оборудование могло быть безопасно установлено. Такое расточительное дублирование работ вызывало растягивающиеся на многие месяцы задержки и дополнительные расходы на миллионы рублей для любого строительства.

В конце 1971-го и начале 1972 года Брюханов боролся со спорами и грызней среди своих работников, то и дело получая выговоры от партийного начальства в Киеве²⁹. Рабочие жаловались на дефицит продуктов и на очереди в столовой, а он не смог предоставить расчеты трат и проектную документацию, срывал сроки, не выдерживал месячные планы строительства станции, продиктованные из Москвы. Забот хватало: новым

* На важные участки поставляли оборудование особого качества с маркировкой «для АЭС». Предмонтажная ревизия оборудования проверяет соответствие изделия техническим требованиям и предусмотрена в большинстве отраслей промышленности во всем мире. Без ревизии ставят опломбированное изготовителем оборудование. — *Прим. ред.*

жителям Припяти была нужна пекарня, больница, Дворец культуры, магазины³⁰. И сотни квартир.

В июле 1972 года Виктора Брюханова вызвали в Киев на встречу с начальством в республиканском Минэнерго. Третий год он был директором Чернобыльской атомной электростанции, а она еще даже не поднялась над уровнем земли. Брюханов был измотан и разочарован. Он планировал уйти.

За всеми катастрофическими провалами СССР в эпоху застоя — за клептократическим разгильдяйством, кумовством, неэффективностью и расточительностью плановой экономики — стояла монолитная власть Коммунистической партии. Начавшись как одна из фракций, боровшихся за власть в России после революции 1917 года, якобы для того, чтобы представлять интересы рабочих, эта партия быстро создала однопартийное государство, предназначенное вести пролетариат к Подлинному Коммунизму³¹.

В отличие от реального социализма, Подлинный Коммунизм был марксистской фантазией — «бесклассовым обществом, дающим безграничные возможности для человеческого развития», эгалитарной мечтой о народном самоуправлении³². На смену революции пришли политические репрессии, и сроки построения меритократической утопии постоянно отодвигались в будущее. Отстаивая свою роль в укреплении марксизма-ленинизма, партия окостенела, превратилась в аппарат оплачиваемых должностных лиц, номинально отделенный от правительства, но фактически управляющий принятием решений на всех уровнях.

Десятилетия советской истории создали жесткую иерархию персональных назначений, партия держала в своих руках класс влиятельных постов, известный под собирательным названием номенклатуры³³. Номенклатура курировала надзор за каждым цехом, военным или гражданским предприятием, отраслью и министерством. Аппаратчики составляли теневую бюрократию политических функционеров в советской империи. Официально каждая из 15 республик СССР управлялась своим Советом министров во главе с председателем,

а на практике власть на местах была в руках первых секретарей республиканских Коммунистических партий. Над ними, рассылая директивы из Москвы, сидел человек с гранитным лицом — Леонид Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Политбюро и фактический правитель 242 млн человек. Такое институализированное вмешательство вносило неразбериху и мешало уверенному управлению современным государством. Но последнее слово всегда оставалось за партией³⁴.

Членство в партии было открыто не для всех. Требовалось пройти отбор — выдержать годичный кандидатский стаж, получить одобрение опытных партийцев. Член партии был обязан регулярно платить партийные взносы. К 1970 году менее чем один из 15 советских граждан состоял в КПСС³⁵. Без партбилета был невозможен путь к преимущественным правам, положенным элите, включая доступ в закрытые магазины и к иностранной прессе, специальное медицинское обслуживание и возможность поездок за границу. А главное, беспартийным было затруднено продвижение на высокие посты, исключения были редки. К 1966 году, когда Виктор Брюханов стал коммунистом, партия была везде³⁶. У него было два начальства: непосредственное в Москве и партийное в Киеве. Руководитель АЭС получал директивы от министерства в Москве, но Киевский обком партии так же тиранил его своими требованиями.

В начале 1970-х многие в партии все еще верили в принципы марксизма-ленинизма, но идеология под недобрый взгляд Брежнева и клики его престарелых товарищей стала не более чем украшением социалистической витрины. Массовые чистки и беспорядочные казни трех сталинских десятилетий ушли в прошлое, но партийные руководители и главы предприятий — от колхозов до танковых заводов, от электростанций до больниц — продолжали управлять своими подчиненными с помощью психологического давления и устрашения. Это были беспардонные бюрократы, по словам романиста и историка Пирса Пола Рида, «с лицом дальнбойщика и руками пианиста»³⁷. Унизительная необходимость терпеть крики, ругань и выволочки была повсеместным

повторяющимся ритуалом³⁸. Это породило вертикальную культуру подхалимства, когда мелкие начальники учились предугадывать настроения старших по должности и соглашаться со всем, что они говорят, в то же время угрожая подчиненным. Когда начальник ставил свои предложения на голосование, он мог с уверенностью рассчитывать на единоголосное одобрение, на триумф грубой силы над здравым смыслом.

Продвижения по многим политическим, экономическим и научным лестницам достаивались лишь те, кто скрывал свое мнение, избегал конфликтов и демонстрировал безусловное подчинение вышестоящим. К середине 1970-х этот слепой конформизм уничтожил индивидуальное принятие решений на всех уровнях государственной и партийной машины, заразив не только бюрократию, но также технические и экономические сферы. Ложь и предательство стали неотъемлемыми свойствами системы, распространяясь в обоих направлениях по цепи руководства: снизу вверх слали рапорты, полные фальсифицированной статистики, завышенных оценок, отчетов о триумфальном достижении недостигнутых целей и героическом превышении невыполненных заданий.

Наверху этой шаткой пирамиды фальшивок сидели, перебирая тонны цифр, не имеющих реального основания, экономические бонзы Госплана — Государственного планового комитета Совета министров СССР³⁹. Этот мозг «командной экономики» управлял централизованным распределением ресурсов в стране — от зубных щеток до тракторов, от бетона до тувель на платформе. Однако экономисты в Москве не имели надежных данных о том, что происходит в огромной империи; фальсификация отчетности была так распространена, что КГБ однажды пришлось навести спутники-шпионы на советский Узбекистан, чтобы получить достоверную информацию об урожае хлопка.

Дефицит и необъяснимое исчезновение товаров и материалов были частью повседневной рутины, покупки

становились азартной игрой, в которую играли, нося с собой авоську в надежде натолкнуться на что-нибудь полезное — сахар, туалетную бумагу или импортные овощные консервы, которые завезли в магазин⁴⁰. Со временем проблемы снабжения в рамках централизованной плановой экономики стали хронически нерешаемыми: урожай гнил в полях, а рыбаки смотрели, как тухнет рыба в сетях, при этом прилавки советских продовольственных магазинов оставались пустыми⁴¹.

Говоривший тихим, но уверенным голосом Виктор Брюханов не был похож на большинство советских руководителей⁴². Он был вежлив, нравился подчиненным. Отличная память и финансовое чутье, умение быстро вникать в технические аспекты работы, включая химию и физику, производили хорошее впечатление на руководство. Поначалу он был достаточно уверен в своем мнении, чтобы открыто возражать начальникам. Когда же давление непомерной задачи, поставленной перед ним в Чернобыле, стало слишком велико, решил уйти.

Но когда в июле 1972 года Брюханов приехал с заявлением об увольнении в Киев, курировавший его чиновник Минэнерго взял заявление, разорвал у него на глазах и велел возвращаться в Припять и работать⁴³. Молодой директор осознал, что выхода нет. Чего бы ни требовала должность, важнейшая его задача — прислушиваться к указаниям Партии и осуществлять их всеми доступными средствами. В следующем месяце строители Чернобыльской АЭС залили в фундамент первый кубометр бетона.

Тринадцать лет спустя, 7 ноября 1985 года, Брюханов молча стоял на трибуне перед новым Дворцом культуры в Припяти, окна которого были закрыты портретами партийных руководителей⁴⁴. Работники станции и строители проходили по площади, неся плакаты и флаги. И в речах по случаю годовщины Великой Октябрьской революции директора Чернобыльской

АЭС славили за его достижения: успешное выполнение планов партии, мудрое руководство городом и станцией, которую этот город обслуживал⁴⁵.

Годы своего расцвета Брюханов посвятил созданию империи из белого железобетона, включающую почти пятидесяти-тысячный город и четыре гигантских реактора по 1000 мегаватт. Еще два строящихся реактора должны были запустить через два года⁴⁶. А в 1988 году, когда 5-й и 6-й энергоблоки Чернобыльской станции вступят в строй, Брюханов будет возглавлять крупнейший ядерный комплекс на планете.

Под его руководством Чернобыльская станция — к тому времени известная как АЭС имени В. И. Ленина — стала завидным местом работы для специалистов-ядерщиков Советского Союза. Многие приезжали сюда сразу после МИФИ — Московского инженерно-физического института, аналога Массачусетского технологического института⁴⁷. СССР отставал в развитии компьютерных технологий и не имел тренажеров для обучения оперативного персонала АЭС, так что работа на ЧАЭС давала молодым инженерам первый опыт в атомной энергетике.

Чтобы рассказать о чудесах атомграда, горисполком Припяти выпустил глянцевый альбом с цветными фотографиями его счастливых горожан на отдыхе⁴⁸. Средний возраст жителей Припяти не превышал 26 лет, более трети составляли дети⁴⁹. В распоряжении молодых семей было пять школ, три плавательных бассейна, 35 игровых площадок и песчаные пляжи по берегам реки. Проектировщики позаботились о сохранении лесного окружения — каждый квартал был обсажен деревьями. Здания и открытые пространства были украшены скульптурами и впечатляющими мозаиками, изображающими торжество науки и техники. При всей своей современности и развитости город оставался окружен природой, порой чаруя жителей близостью к земле. Как-то летом жена Брюханова Валентина видела, как пара оленей, переплыв Припять, выбралась на городской пляж и, не обращая внимания на изумленных купальщиков, скрылась в лесу⁵⁰.

Все здесь — от больницы до 15 детских садов — считалось приложением к атомной станции, которую обслуживал город, и финансировалось из Москвы Министерством энергетики⁵¹. Атомград существовал в экономическом пузыре, маленький оазис изобилия в пустыне дефицита и недовольства. Продуктовые магазины снабжались лучше, чем в Киеве: свинина и телятина, свежие огурцы и помидоры, более пяти сортов колбасы. В универмаге «Радуга» продавали австрийские сервизы и даже французские духи без всяких списков⁵². В городе работали кинотеатр, музыкальная школа, салон красоты и яхт-клуб.

Припятъ была небольшим городом: редкие здания поднимались выше десяти этажей, а весь город можно было пройти за 20 минут. Все друг друга знали, и дел у милиции было мало, как и у шефа городского КГБ, занимавшего офис на пятом этаже горисполкома⁵³. Нарушения порядка в основном ограничивались мелким вандализмом и появлением на публике в нетрезвом виде⁵⁴. Неслучайно река по весне приносила мрачный урожай — тела пьяных, провалившихся зимой под лед⁵⁵.

Западный взгляд мог бы заметить недостатки Припяти: желтую травку между бетонными блоками мостовой, блеклое однообразие многоэтажных зданий. Но для людей, родившихся в СССР на унылых фабричных окраинах, выросших в засушливых степях Казахстана или в Сибири по соседству с исправительно-трудовыми колониями, новый атомград был настоящим раем для рабочих. На кадрах любительской фото- и киносъемки жители Припяти предстают не измученными жертвами социалистического эксперимента, а беззаботными молодыми людьми: они плавают по реке на байдарках и под парусом, танцуют, позируют в новых нарядах, их дети играют на огромном стальном слоне или ярко раскрашенном игрушечном грузовике. Радостные оптимисты города будущего.

В конце декабря Виктору и Валентине Брюхановым прожитый 1985 год должен был казаться годом удач и памятных

семейных вех⁵⁶. В августе их дочь Лилия вышла замуж, они с мужем учились в медицинском институте в Киеве; вскоре Лилия забеременела. В декабре Брюхановы отмечали пятидесятилетие Виктора и серебряную свадьбу. Праздновали в их квартире над главной площадью Припяти.

Виктора избрали делегатом предстоящего XXVII съезда КПСС — это был знак политического одобрения сверху. Съезд обещал стать важным событием в жизни СССР. Председательствовать на нем предстояло новому советскому лидеру Михаилу Горбачеву.

Горбачев пришел к власти в марте 1985 года — после долгой череды аппаратчиков, чье ухудшающееся здоровье, пьянство и старческий маразм старались скрыть от публики все более отчаивавшиеся помощники. 54-летний Горбачев казался молодым и динамичным лидером, он был с энтузиазмом встречен на Западе. Его политические воззрения сформировались в 1960-х, и он был первым Генеральным секретарем, использовавшим возможности телевидения. Встречаясь с людьми на «спонтанных» прогулках, тщательно дирижируемых КГБ, Горбачев произносил импровизированные речи. Его постоянно показывали в новостной программе «Время», которую смотрели каждый вечер почти 200 млн человек⁵⁷. Он объявлял о планах экономической реорганизации — перестройки — и с трибуны партийного съезда в марте 1986 года говорил о необходимости гласности, открытости власти. Убежденный социалист, Горбачев считал, что СССР сбился с дороги, но может прийти к утопии Подлинного Коммунизма, вернувшись к основополагающим ленинским принципам. Эта дорога будет длинной. Экономика с трудом выдерживала финансовое бремя холодной войны. Советские войска застряли в Афганистане, а в 1983 году президент США Рейган распространил военное противостояние на космос, приняв программу «Звездных войн». Взаимоуничтожение сверхдержав посредством обмена ядерными ударами было опасно реальным.

За 16 лет, проведенных на строительстве четырех реакторов и нового города на куске заболоченной земли, Виктор Брюханов хорошо усвоил советскую реальность. Выкованный молотом партии, ставший податливым благодаря привилегиям, которые давала ему должность, хорошо информированный и самостоятельно мыслящий молодой специалист превратился в послушное орудие номенклатуры⁵⁸. Он достиг своих целей и выполнил планы, заслужив себе и своим людям ордена, почет и премии за соблюдение сроков и превышение планов⁵⁹. Как и все успешные советские менеджеры, Брюханов научился предприимчивости и умению подгонять ограниченные ресурсы под бесконечный список нереалистичных задач. Ему пришлось срезать углы, править отчеты и игнорировать правила.

Он был вынужден импровизировать, когда стройматериалы, предусмотренные проектом Чернобыльской станции, не поступали: нужно было использовать огнестойкие тросы, но взять их было негде, и строители использовали то, что было.

Когда в Министерстве энергетики в Москве узнали, что крышу турбинного зала станции залили легковоспламеняющимся битумом, ее приказали переделать. Но огнестойкий материал для покрытия крыши — 50 м шириной и почти километр в длину — не производился в СССР, и Министерство сделало исключение — битум оставили⁶⁰. Когда в обкоме партии дали команду построить в Припяти плавательный бассейн олимпийского класса, Брюханов пытался возражать: такие бассейны в СССР строили только в городах-миллионниках. Но секретарь обкома настоял: «Давай строй!» — и он не ослушался⁶¹. Средства изыскивали за счет манипуляций с городским бюджетом⁶².

Строительство четвертого, наиболее современного реактора Чернобыльской станции близилось к завершению, а длительная проверка безопасности турбин еще не проводилась. Брюханов тихо откладывал ее, зато успел к сроку, назначенному Москвой на последний день декабря 1983-го⁶³.

Но Минэнерго, как избалованная любовница, оставалось неудовлетворенным. В начале 1980-х и без того напряженная

программа строительства ядерных объектов была еще ускорена, были приняты планы новых и все более гигантских станций в западных областях Союза⁶⁴. Москва планировала, что к концу XX века Чернобыль станет частью густой сети атомных энергетических мегакомплексов, по десятку реакторов в каждом⁶⁵.

Однако в 1984 году сроки запуска пятого реактора ЧАЭС пришлось сдвинуть на год⁶⁶. Проблемы с рабочей силой и снабжением никуда не делись: бетон был низкого качества, рабочим не хватало электроинструмента⁶⁷. Сотрудники КГБ и сеть их осведомителей сообщали о тревожной серии строительных дефектов на ЧАЭС⁶⁸.

В 1985 году Брюханов получил указания о строительстве Чернобыля 2, отдельной станции с еще четырьмя реакторами РБМК, по новому, прямо с кульманов инженеров, и еще более циклопическому, чем прежний, проекту⁶⁹. Станцию планировали строить в нескольких сотнях метров от существующей, на другом берегу реки, вместе с новыми жилыми кварталами для размещения работников. Предполагалось возвести мост и новое десятиэтажное административное здание с кабинетом на самом верху, откуда директор сможет обозревать свои расширившиеся атомные владения⁷⁰.

Брюханов работал практически сутками. Начальство в любое время дня и ночи находило его на станции⁷¹. Если на ЧАЭС что-то происходило — как это часто бывало, — директор забывал о еде и полные сутки держался на кофе и сигаретах⁷². На совещаниях он предпочитал молчать, никогда не говоря два слова там, где хватало одного. Он выглядел замкнутым и изможденным, мало с кем дружил и мало с кем делился заботами, включая жену.

Коллектив станции тоже поменялся. Команда молодых энтузиастов, которая когда-то обживала замерзшую лесную делянку, а потом запускала первые реакторы ЧАЭС, двинулась дальше по стране. Их место заняли тысячи новых работников, и Брюханову было трудно поддерживать дисциплину: при явных технических талантах ему не доставало силы характера,

необходимого управленцам масштабных советских предприятий⁷³. Начальник строительства станции Василий Кизима, напористый, с обширными связями, авторитет которого соперничал с авторитетом директора, насмешливо называл его «зефир»⁷⁴.

Эпоха застоя породила снижение мотивации на производстве, безразличие и безответственность работников, даже в ядерной промышленности⁷⁵. Экономическая утопия исключала возможность безработицы в СССР, хотя раздутые штаты и безделье на работе были проблемами хронического характера⁷⁶. Являясь директором станции, Брюханов отвечал за обеспечение работой всех жителей выросшего при ЧАЭС города. Никогда не останавливающееся строительство давало работу 25 000 человек, и Брюханов уже договорился об открытии фабрики «Юпитер», чтобы трудоустроить женщин Припяти⁷⁷. Но этого было недостаточно. На каждую смену на станции автобусы доставляли из Припяти сотни человек. Часть их была практикантами-инженерами. Они приезжали наблюдать, как работают специалисты, надеясь стать частью технической элиты — атомщиками⁷⁸. Другие сотрудники — механики и электрики из традиционных областей энергетики — имели весьма условные представления об атомных станциях⁷⁹. Им говорили, что радиация настолько безопасна, что «ее можно на хлеб мазать»⁸⁰, а реактор «вроде самовара, проще, чем теплоэлектроцентраль»⁸¹. Некоторые притаскивали с работы домой стеклянную посуду с красивыми радужными узорами — они, как хвастались умельцы, появлялись, если стекло окунуть в радиоактивную воду бассейна выдержки отработавшего топлива⁸². Кто-то проводил смены, читая книги или играя в карты⁸³. Те, у кого в самом деле была важная работа, назывались — с бюрократической откровенностью на грани сатиры — Группой эффективного управления⁸⁴. Однако мертвый груз бесполезного штата давил и на тех, у кого была неотложная ответственная работа, заражая вирусом неэффективности и опасным чувством инерции.

Опытная команда независимо мыслящих экспертов, которая проводила запуск первых четырех реакторов, постепенно